

нить себѣ ребенокъ, ничѣмъ еще не заявившій себя, ничего еще не умѣющій дѣлать, то, что другіе дѣлаютъ для него то, что ему естественно дѣлать самому? Единственное объясненіе для него есть то, что люди раздѣляются на два сословія—господь и рабовъ, и сколько бы мы ни толковали ему словами о равенствѣ и братствѣ людей, условія всей его жизни, отъ вставанія до вечерней ѣды, показываютъ ему противное.

«Мало того, что онъ перестаетъ вѣрить въ поученія старшихъ о нравственности, онъ видитъ въ глубинѣ души, что всѣ поученія эти лживы, перестаетъ вѣрить и своимъ родителямъ, и наставникамъ, и даже самой необходимости какой-бы то ни было нравственности.

«Еще соображеніе: если невозможно дѣлать все то, о чемъ я упоминалъ, то, по крайней мѣрѣ, надо заставлятъ дѣтей дѣлать такія дѣла, невыгода неисполненія которыхъ тотчасъ же для нихъ была бы чувствительна, на примѣръ: не вычищено, не высушено гуляльное платье, обувь—нельзя выходить, или не принесена вода, не вымыта посуда—и негдѣ напиться. Главное при этомъ—не бойтесь ridicul'a *). Девять десятыхъ дурныхъ дѣлъ на свѣтѣ дѣлаются потому, что не дѣлать ихъ было бы ridicule.

«Воспитаніе представляется сложнымъ и труднымъ дѣломъ только до тѣхъ поръ, пока мы хотимъ, не воспитывая себя, воспитывать своихъ дѣтей или кого бы то ни было. Если же поймешь, что воспитывать другихъ мы можемъ только черезъ себя, то упразднится вопросъ о воспитаніи, и остается одинъ вопросъ жизни: какъ надо самому жить? потому что я не знаю ни одного дѣйствія воспитанія дѣтей, которое не включалось бы въ воспитаніе себя. Какъ одѣвать, какъ кормить, какъ класть спать, какъ учить дѣтей? Точно такъ же, какъ себя. Если отецъ, мать одѣваются, ѣдятъ, спятъ умѣренно, и работаютъ, и учатся, то дѣти будутъ то же дѣлать.

*) ridicule—смѣшно, странно.